

Спускайся, и прояви заботу...

Первая часть падения была довольно грубой. Гектор прыгнул в дыру далеко не идеально, поэтому по пути врезался в стену и отскочил от неё. В другую стену. Он отскакивал от стен, словно мячик для пинг-понга, пока не поправил свой угол спуска железом. И не забыл про броню, решив, что чертить по стенам лучше бронёй, чем голой плотью.

Но как только он закончил, впрочем, спуск проходил довольно мирно. И долго. Это было странное чувство, несомненно. Когда он привык к чувству и немного отдохнул, его чувства начали сливаться в нечто единое, что определённо дезориентировало. Временами он даже не был уверен в том, что падает. Чувствовалось, будто он просто завис в воздухе.

– ‘Не удивительно,’ – приватно сказал Гарвель, когда Гектор описал ситуацию. – ‘Человеческое тело ну никак не приспособлено для падений на такие расстояния. И ещё я слышал, что гравитация в этих дырах бывает очень странной. Уверен, твой мозг этому не сильно радуется.’

Верно, временами он чувствовал себя опьяневшим. Впрочем, он пытался сохранить своё внимание. Вопрос. Он должен думать над вопросом. – ‘Э... ох, эм. Кстати говоря, э... ты это уже упоминал, да?’

– ‘...Что? Упоминал раньше что?’

– ‘Э... эм...’

– ‘Ты в порядке, приятель?’

– ‘А-ага, думаю да. Извини.’

– ‘Хочешь отключу тебя пока и разбужу когда доберёмся?’

– ‘Н-не, всё нормально. Это как... как бы, хорошая тренировка. Кажется.’

– ‘Хмм. Как скажешь.’

– ‘Но ты упоминал что-то раньше...’

Гарвель засмеялся. – ‘Да, Гектор. Я много чего упоминал.’

– ‘Нет. Я имею в виду. Но. Ага.’

Гарвель захохотал. – ‘Это забавнее, чем я ожидал. Дезориентированный Гектор мне нравится.’

– ‘Эм... э...’ – Чёрт возьми, должно быть что-то. Просто нужно вспомнить. – ‘Ты упоминал что-то об этих гигантских дырах, разве нет?’

– ‘Мм, конечно?’

– ‘Аргх...’

- 'Давай, приятель, ты справишься.'

- 'Что-то, эм...' - Гектор вспомнил. - 'Названия! У них есть названия!'

- 'О, верно, ага. Что насчёт них?'

Блин, что насчёт них? - 'Что, э...? Угх...'

- 'А, ты пытаешься спросить, как называется эта дыра?'

- 'Ага! Точно!'

- 'Что ж, к сожалению, я не знаю. Пока Ворис не рассказала, я даже не знал о Уоррене, не говоря о пути в Подкорку под ним, и уж тем более названии пути.'

- 'Ух.'

- 'Можем спросить Ворис при следующей встрече. Или просто назвать сами. Можем назвать её «Дыра Уоррен». Хех.'

- 'Воу...'

- 'Ставлю тысячу троа на то, что Ворис её так называет.'

- 'У тебя нет денег, Гарвель.'

- 'Я просто использую твои.'

- 'Зачем мне принимать ставку против собственных денег?'

- 'Так, заканчивай с логикой. Я думал, что ты дезориентирован.'

- 'Видимо прошло.'

- 'Что ж, дерьмово.'

- 'Кстати о долгах, я не забыл нашу последнюю ставку.'

- 'Эй, я тебе ничего не должен. Ворис НЕСОМНЕННО называет её Дыра Уоррен.'

- 'Гарвель.'

- 'Что?'

- 'Ты пытаешься сменить тему.'

- 'Не понимаю о чём ты.'

- 'Чушь. У нас был спор, ты проиграл.'

- 'Забавно. Помнится ты дисквалифицировал себя из-за обмана.'

- 'Ни хрена. Я выиграл честно и справедливо, мы оба это знаем. Теперь ты должен рассказать что-нибудь важное из своего прошлого.'

- 'Э, ну не знаю. То есть, учитывая обстоятельства и мою щедрость в целом, думаю можем просто назвать это ничьёй.'

Гектор не удержал смех. - 'Ты настолько полон дерьма.'

- 'Знаешь, что я тебе скажу? Я, так и быть, расскажу тебе кое-что важное из моего прошлого, если ты тоже сделаешь обещанное.'

- 'Это была НЕ ничья, Гарвель.'

- 'Вроде как была, знаешь ли.'

Гектор не собирался поддаваться. - 'Ты пытался перефразировать свою вторую догадку. Это вообще никак не ничья.'

- 'Это ТЫ так толкуешь. В моём толковании ты пытался обмануть меня, притворившись, будто моя вторая догадка не верна.'

- 'Ты невероятен.'

- 'Ты просто боишься сделать Лин комплимент.'

- 'Конечно я- Аргх! Плевать.'

- 'Просто один комплимент! Это будет просто! Я даже приготовил тебе поддержку. Ты можешь сказать, что её повязка на глаз выглядит классно.'

- 'И что это за хрень?'

- 'Простой комплимент. И я считаю, что он хороший.'

- 'Звучит саркастично.'

- 'Что ж, тогда не произноси саркастичным тоном.'

- 'Я вообще ничего не собираюсь произносить! Я выиграл, сволочь!'

- 'Повторение не делает это правдой.'

- 'Я тебя ненавижу.'

- 'Я тебя тоже, приятель.'

Гектор мысленно вздохнул. - 'Ладно. Если ты действительно настолько не хочешь рассказывать мне о себе, то придётся тебя заставить.'

- 'А, ты о том, чем и так занимался? Я, знаешь ли, чувствую от тебя много враждебности.'

- 'Прощу прощения,' - сухо сказал Гектор. - 'Не знаю, что на меня нашло. Уверен, это всё равно было бы скучной историей.'

- 'Ох блядь. Ты серьёзно? Теперь ты так поступаешь?'

- 'Как поступаю? Это просто... А вообще, теперь, когда я задумался, даже не понимаю, почему вообще решил поставить это. То есть, если бы ты мог рассказать что-то интересное о

своём прошлом, ты бы давно рассказал.'

- 'Это не сработает, Гектор.'

- 'Что не сработает?'

- 'Во-первых: я знаю, что ТЫ знаешь, что у меня тонны интересных историй о моём прошлом. Мне три тысячи лет. Ты просто не можешь поверить, что они у меня уже закончились.'

- 'Как скажешь, Гарвель.'

Жнец хохотнул. - 'Мешок ты дерьма! Прекрати меня бесить!'

- 'Не понимаю о чём ты.'

- 'Чёртов лжец.'

- 'Всё в порядке, Гарвель. Не нужно стесняться своего скучного прошлого. Я понимаю.'

- 'Вау.'

Гектор засмеялся, но решил сменить тактику. Учитывая, каким упёртым стал жнец, он зашёл на чувствительную территорию. - 'Но ты правда не хочешь рассказывать? То есть, никаких проблем, если ты не хочешь. Серьёзно.'

Жнец не ответил.

- '...Гарвель?'

- 'Эм. Что ж. Дело не в том, что я не хочу ничего тебе рассказывать о своём прошлом. Потому что - и я сейчас серьёзно - рассказывать ещё очень много. Очевидно, я могу взять историю из любого участка своего прошлого и она тебя, вероятно, устроит. Но... я уже довольно давно думал об этом и есть у меня... одна история, которую я бы хотел рассказать, но при этом я не хочу её рассказывать.'

- '...Так вот почему ты такой упёртый.'

- 'Я планировал рассказать, рано или поздно. Но гораздо проще постоянно откладывать.'

- 'Почему ты не хочешь рассказывать её?'

- 'На то есть несколько причин. Это довольно личное, во-первых. А ещё будет плохо, если другие люди узнают об этом. В ней есть довольно важная информация. Но в основном... я думаю... главная причина, из-за которой я не хочу рассказывать, просто в том... в том, что она показывает меня не в самом приятном свете.'

- 'Оу...'

- 'Хотя это случилось очень, ОЧЕНЬ давно, я не стану тебя винить, если твоё мнение обо мне ухудшится.'

Неожиданно Гектор уже не был так уверен в том, что хочет услышать. - 'Эм... блин, Гарвель. Действительно всё так плохо?'

– ‘Я бы сказал да. Но опять же, я не знаю. Просто не знаю, что ты подумаешь.’

– ‘Л-ладно. Эм.’ – Он попытался подготовиться. – ‘Я постараюсь не быть предвзятым.’

– ‘Хорошо. Тогда. Сейчас, начинаю.’ – Гарвель замолчал, видимо собиравшись с мыслями. – ‘Эта история ещё из тех времён, когда я был жив. Она заняла место на континенте теперь именуемом Экзолта.’

– ‘Эм, извини, что так скоро прерываю, но, эм... Помнится, мне ты сказал, что не знаешь, как сейчас называется твоя родина.’

– ‘Хмм, разве?’

– ‘Ага. Тогда ты впервые рассказывал мне о лайзаксах. Твоих родных людях, сказал ты. И позже ты сказал Ибаю, что вырос на Экзолте. Или Дэйнболг, вроде так ты это назвал. В любом случае, я вполне уверен, что все знают о мёртвом континенте в наше время.’

– ‘Как странно,’ – сказал Гарвель.

– ‘Ага. Почти как если бы ты лгал или вроде того.’

– ‘Наверно тебе просто показалось.’

– ‘Не думаю.’

– ‘Ох, вот так значит? И что делает тебя таким уверенным, а? Память у тебя не настолько хороша.’

– ‘Может, не настолько хороша как твоя, но я могу запоминать всякое. Временами.’

– ‘Ага, неудобные мне вещи, похоже.’

– ‘Почему ты солгал?’

– ‘Ну, технически я не лгал.’

– ‘Технически ты сказал, что не знаешь, хотя на самом деле знал. Это называется ложью, Гарвель.’

– ‘Нет, понимаешь ли, мы с Чергоа действительно выросли на Экзолта, но маленький её участок однажды откололся от остального континента и потому больше не является его частью. Он стал группой островов, которые уплыли довольно далеко.’

– ‘Уплыли? Острова разве могут плавать? То есть, они ведь сделаны из камня.’

– ‘Острова действительно смещаются, но не так быстро как эти. И ты прав, нормальные острова не плавают, но эти не нормальные, их сделали люди. И я правда не знаю, как они сейчас называются.’

– ‘Хмм.’

– ‘Так что, как видишь, фактически я не соврал.’

– ‘...Верно, ты просто не упомянул тонну важных деталей.’

- 'Не обязательных и без нужды усложняющих разговор замечаний, ладненько? И, как ты уже знаешь, я не так чтобы люблю говорить об этой своей части жизни. Теперь, может быть, прекратишь выкручивать мне яйца и позволишь продолжить?'

- 'Вперёд.'

- 'Ладно. Итак, вот я был живой и во плоти. Жил на Экзолта. И, прежде чем ты спросишь очередной педантичный вопрос, тогда мы называли нашу землю иначе.'

- 'Я не собирался спрашивать.'

- 'Мм. В любом случае, чтобы рассказывать было проще, я просто продолжу называть его Экзолта, хорошо? Хорошо. В общем, как и множество историй, началось всё с войны.'

- 'Я бы хотел больше узнать об этих сделанных людьми островах, кстати говоря.'

- 'Да прекрати ты прерывать, чёрт тебя дер.'

- 'Извини. Это просто, то есть, история ведь трёх тысячелетней давности, верно? Так кто их сделал? Слуга?'

- 'Да. Теперь ты хочешь услышать историю или нет?'

- 'Конечно хочу.'

- 'Тогда заткнись на минутку.'

- '...Ладно.' - Если бы Гектор был полностью честен, часть него хотела продолжить вмешиваться. И он бы продолжил, если бы тон жнеца не звучал искренне раздражённым.

Гарвель замолчал на несколько мгновений, прежде чем продолжить. - 'Итак, была война. Но это не такая уж и редкость. Мои люди были довольно жестоки. Мы сражались всегда, часто друг с другом. Трудно сравнивать, учитывая разницу в том, насколько разная жизнь была тогда и какая сейчас, но это было одной из наших главных черт. Кровавые боины были для нас такими же обычными, как сон или еда.'

Гектор просто слушал.

- 'Одной из причин мог послужить тот факт, что жнецы были известной частью нашей культуры, так что среди лайзаксов бытовало мнение, что смерть не конец. Так было проще - психически, по крайней мере - рисковать жизнью в бою, потому что мы знали, что будем жить после смерти. Тогда мы верили, что жизнь измеряется храбростью и верностью. Иными словами, если ты прожил «достойную» жизнь, то вернёшься в качестве жнеца и продолжишь наблюдать за своими братьями.'

- 'И я определённо не был исключением. Верил всем сердцем. Только спустя много, очень много времени, когда я уже сам давно был жнецом, стало ясно, что дело на самом деле в наследственности, простое повезёт или не повезёт. Довольно ужасное открытие, уж поверь. Думать, что ты и все твои товарищи жнецы прожили достойную жизнь приятно. Пока вера в это не пройдёт. Никогда я не чувствовал такого недоумения и позора как тогда.'

- 'Но я сошёл с рельс, полагаю. Это даже не часть истории, на самом-то деле. Всё заключается в том, чем я занимался на войне.'

Гектор задумался над вопросом и решил его прервать: – ‘У этой войны было название?’

– ‘О ней не многие слышали, полагаю. Но на моссианском это можно перевести как «Война Тысячи Книг».’

– ‘Это была война за книги?’

– ‘Вроде того. Понимаешь, мои люди были не очень, эм, как бы сказать, «склонны к литературе». У нас была привычка бродить кругом и уничтожать места, в которых было хоть что-то похожее на письма.’

– ‘Зачем?’

– ‘Трудно поверить по нынешним стандартам, но письменность оказалась очень спорным открытием в нашей культуре. Гуляла идея, что если ты что-то записываешь, то «не бережешь разум», потому что в таком случае тебе не приходилось это запоминать. И ещё это считалось всяческой магией и диверсией, направленной на ослабление нашей культуры и людей.’

– ‘Мы, тем не менее, записывали всякое на камнях. Ещё задолго до моего рождения это посчитали традицией. Что, должен признать, было довольно лицемерно, но разницей послужило, по крайней мере, по нашему традиционному мнению, различие в сложности, так что такой способ нельзя было использовать для всяких «тривиальностей». То есть, если ты собрался что-то написать на камне, то это очень, ОЧЕНЬ важно записать.’

– ‘Ох...’

– ‘Но, как бы там ни было, назвать её «хорошей войной» было нельзя. Или – ладно, это прозвучало как оксюморон и нечто просто невозможное – но, может так и есть. Война всегда ужасна. Однако я хочу сказать, что в этой войне у нас не было хороших причин воевать. Напали мы, чтобы уничтожить все библиотеки раньше, чем они «посеют непорядок» и смешают «тёмные мышления» с нашими «светлыми». И хотя я верил в это дело в те времена и ещё много лет спустя, когда я осматриваюсь назад... что ж. Мне стыдно, по самой крайней мере.’

Гектор не знал что сказать.

– ‘...Но, наверно это не создало у тебя полноценную картину происходящего,’ – сказал Гарвель. – ‘Скажу прямо. За время войны я сжёг семь разных библиотек и убил десятки невинных людей в процессе.’

Теперь Гектор правда не знал что сказать.

– ‘Конечно, тогда они мне такими невинными не казались, да и действовал я не один, но это не освобождает меня от моих преступлений.’

– ‘Это... это произошло три тысячи лет назад Гарвель.’

– ‘И это тоже не освобождает, Гектор.’

– ‘Я... я не... ух...’

– ‘Всё в порядке. Ты не обязан ничего говорить. И игнорировать тоже не обязан. Это часть моего прошлого, и хотя я уже другой человек, мне хотелось, чтобы ты знал.’

Он чувствовал, что должен что-то сказать, но не знал что. Гарвель действительно убивал людей? Невинных?

Ему трудно было поверить в это. Он не хотел верить в это. Но опять же, жизнь была другой три тысячи лет. Это была другая культура. И... и...

– ‘...Почему ты рассказал мне об этом?’ – спросил Гектор.

Жнец не спешил с ответом. – ‘Я... не хочу скрывать от тебя правду. Даже если она ужасна.’

– ‘Но это...’ – Гектор мысленно вздохнул. Часть него – довольно сильная часть – хотела, чтобы Гарвель никогда не рассказывал ему об этом. Он не хотел думать, что его жнец делал нечто столь ужасное. – ‘Ты... ты правда убивал невинных? То есть, тех, кто не мог ударить в ответ и вроде того?’

– ‘...Да.’

Каким-то образом это одно слово ударило Гектора сильнее, чем он мог ожидать. Было так трудно понять, собрать со всем остальным, что он уже знал о Гарвеле. Этот жнец оживил его и изъявил желание спасти невинных людей, а теперь...? Теперь Гарвель говорит...?

Аргх.

Ладно бы, если Гарвель убивал людей на войне. Других воинов. Такое ожидал Гектор от жнеца. Даже, если бы ему было неудобно от этого факта, такое он мог понять гораздо лучше. Когда ты на войне, ты сражаешься за победу своей стороны, за собственное выживание. Это было неприятно, может, но понять можно.

Убийство невинных выходило за эти рамки. Это было заметно ужаснее.

Наступила очень продолжительная тишина, пока Гектор размышлял над тем, что он должен сказать. Он знал, что хочет сказать что-то, и, наверно, Гарвель тоже это понимал, учитывая время, которое ему дал жнец на размышления.

Больше деталей помогут? В этом Гектор не был уверен. Да и Гарвель уже предоставил немало. Культура, в которой кровавая бойня была таким же нормальным явлением, как сон или еда, сказал жнец.

Гектор начинал понимать. – ‘Это... это было как, э... т-ты следовал приказу? Или, то есть, был под давлением, каким-нибудь?’

– ‘...Полагаю, я могу использовать такие аргументы,’ – произнёс Гарвель очень спокойно и медленно. – ‘И в них даже будет правда. Определённо, если бы я отказался следовать приказу, меня бы отхлытали и, вероятно, казнили. В этом определённо заключалось некоторое давление. В каждой культуре есть равное давление, в некотором смысле, иначе это и не культура вовсе.’

– ‘Но если быть полностью честным со мной и тобой, то нет. Я довольно сильно верил в свои дела тогда. И верил, что эти невинные люди попросту не невинные. Я думал, что они зло и предательство.’

Гектор нахмурился в своём шлеме. – ‘Я не думаю, что... есть какой-то шанс, что они и вправду оказались злыми предателями?’

Жнец слабо засмеялся. – ‘Ты действительно пытаешься дать мне преимущество сомнений, не так ли?’

– ‘Я просто... не знаю.’

– ‘Что ж, напротив тому, что я сказал в прошлом, я не всезнающий. Так что, может они были предателями, в каком-то смысле. Может даже были злыми, по каким-то странным меркам. Но факт в том, что хороших причин верить в это у меня не было. И всё же, я верил.’

Гектору было нечего сказать.

Гарвель, впрочем, не закончил: – ‘Убийства достаточно ужасны, очевидно, но я не хочу занижать серьёзность сжигания библиотек. В наши дни весь мир стал библиотекой, большая благодарность за это технологиям, так что потеря одной из них совсем не такая трагедия. Но в те дни? Уверен, я помог уничтожить знания, которых больше нигде не встретить. Наверно даже те, которые до сих пор остаются утраченными. Сказать наверняка невозможно. И когда я представляю потенциальные потери от этих знаний на протяжении истории... это заставляет меня задуматься, сколько ещё невинных людей они могли спасти.’

– ‘Это... это невозможно узнать, Гарвель. Ты не должен думать об этом.’

Теперь была очередь жнеца молчать.

И последовало ещё больше тишины. Гектор хотел что-то сказать, но это было слишком. И он не хотел говорить чего-то, чего не имел в виду на самом деле. Он особенно не хотел сказать что-то, что понял неправильно, потому что, даже если это прозвучит хорошо, может не помочь.

Гарвель только что вернулся в прошлое, чтобы сказать ему правду. Гектор не хотел предать это усилие ложью.

Спустя время, впрочем, вопрос у Гектора появился. – ‘...А когда ты изменился? И как?’

– ‘Мои взгляды не изменялись, наверно, ещё сотню лет после перерождения в жнеца. Пока я не решил начать путешествовать. Что же до «как»... ну. Причина была не одна, должен сказать. Скорее накопившийся эффект. Мои взгляды менялись медленно, что ожидаемого от кого-то, прожившего так целую жизнь и даже больше.’

– ‘...Поэтому ты решил брать слуг? Чтобы... компенсировать всё это?’

Жнец снова не спешил с ответом. – ‘Да. Это достаточно верно.’

– ‘...Ясно.’

– ‘И поэтому я бы хотел превратить Владение Уоррен в место охраняющее знания, если возможно. Может это будет слишком маленьким вкладом, может это будет слишком поздно, я всё равно хочу попробовать.’

Гектор не знал что сказать.

Гарвель оставил ему тишину, а Гектор просто позволил мыслям кружиться в голове, не удерживаясь ни за одну и не пытаясь развить ни одну. Он чувствовал, что теперь понимал Гарвеля гораздо лучше, хотя и не знал, что делать с этим пониманием.

Это не казалось правильным...

Но, может в этом есть нечто большее. События большой давности, Гарвель явно сожалеет о них. И Гектор не знал никого из убитых им людей, так что...

Угх.

У Гектора нарастало чувство неудобства. У него не появилось неприязни к Гарвелю, мнение о жнеце никак не изменилось. Но, возможно, появилась неприязнь к себе.

Может, он так думал, потому что такое ему было знакомо. Так было проще.

Аргх. Всё совершенно непонятно. Он не понимал, честен ли он с собой. Знал только, что всё странно и ему это не нравится.

Через некоторое время Гарвель заговорил снова: – ‘Я чувствую дно. Попробуй защитить шарф, если можешь. Не хочу, чтобы он испачкался в крови.’

Гектор убрал его и покрыл железом.

А затем отключился.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/278561>